

от 23 ОКТ 38 2

Горький

Газета №

К 40-летию МХАТ из прошлого

Московским художественным театром создавались не только артисты, но и драматурги. Горький и Чехов работали в содружестве с мастерами МХАТ.

Горький, приезжая в Москву, прежде всего спешил в художественный театр; он был готов смотреть одну и ту же пьесу бесконечное число раз. «Дядя Валя» Чехова производил на него такое впечатление, что он не мог удержаться от слез. Сам он тогда не написал еще ни одной пьесы.

Его творческой душой стало овладевать стремление написать пьесу, достойную художественного театра. В это время мы часто виделись с ним в Нижнем, Москве, в Петербурге.

Горький делился со мной сюжетами разных пьес. Не решаясь, за какой сюжет скорее ухватиться. Станиславский и Немирович-Данченко, с которым он быстро подружился, убеждали его записать пьесу из босой жизни. Но Алексей Максимович не сразу решился браться за эту тему.

— Понимаешь, — говорил он мне, — подымай все эти господа хорошие со дна и обступай меня. Кружатся, толкаются... Хочу усадить их и не могу. И все разные. Ной, братец ты мой, а лохмотья,

а смотрит горю, любому испанскому гранду десять очков вперед даст. И все говорят, и хорошо говорят, а речей их никак не могу так уловить, чтобы эти речи мешан взвизгнуть заставили. Нет, уж лучше я за мешан примусь. С мешанами, дядя, еще придется почитаться.

И он принялся за мешан. Но работу над мешанами пришлось прервать.

В феврале 1901 года Московский художественный театр приехал из первых гастролей в Петербург. Об этих гастрольях очень хлопотал Горький. После спектаклей артисты и писатели, в том числе, конечно, Алексей Максимович, собирались в отдельном зале ресторана Пажкина поужинать и побеседовать. Здесь всегда бывали Станиславский, Немирович-Данченко, Лужский, Москвин, Артем, Вышневский, Мейерхольд, Книппер, Андреева. Не помню, бывал ли Качалов. Он тогда только что вступил в труппу художественного театра и не успел еще вывизнуться на первые роли. Первый раз я его видел на репетициях, а затем и на самом представлении «Снегурочка». Он играл царя Берендея. Это было его первое выступление в МХАТ. Уже тогда я заслушивался его бархати-

стым, певучим голосом, превосходной, отчетливой, ритмической дикцией. Уже тогда любовался его благородным обликом.

Наружность каждого из артистов была интересна, своеобразна. Иные были как бы созданы для своих ролей. Так, например, Артем был прямо незаменим для изображения князя Телетина («Дядя Валя»), так и Фирса («Вишневый сад»).

Станиславский, высокий, стройный, мог без грима играть подполковника Вершинина («Три сестры»). Горький смотрел на Станиславского прямо влюбленным глазами и как-то невольно сказал ему: — Ах, вы, красавец мой!

Москвин — небольшого роста, коренастый, умел преобразиться то в юродивого царя Фехора, то в страшного гороховича, то в бобыля Бакулу с его «бобыльской хмельной головой» («Снегурочка»), то в лукавого старикашку Луку («На дне»), который всех заговорит, всех смутит, а сам потихоньку смыкается.

Книппер — красивая женщина, умела играть и русскую студентку-революционерку (Анна в «Одиноких»), и певца любви Яся («Снегурочка»), и ослепленную жену тупого учителя («Три сестры»), и жену брызжащего старого профессора, готовую пококетничать с интересным провинциальным доктором.

Андреева играла нежных, мечтательных, несчастных, безобидных женщин.

4 марта 1901 года был устроен

банкет в честь артистов МХАТ. На банкет были приглашены все известные петербургские литераторы и артисты.

В тот день на Казанской площади произошла студенческая демонстрация, окончившаяся побоищем. Мы с Горьким были на демонстрации, видели дикие сцены избивания студентов и курсисток поэзиейскими и казаками. После некоторого колебания решили все-таки пойти на банкет. Горький просил меня сказать на банкете что-нибудь такое, что побольше всех бы хлестнуло. После нескольких речей, возмущавших художественный театр, взял слово и я.

Описав побоище, я призывал интеллигенцию открыто протестовать против полицейского насилия. Сказал, что самодержавные бюрократы оттого так свирепствуют, что чувствуют близость своей гибели.

Присутствовавшие возмущались. Некоторые выразили мне сочувствие. Один из артистов подошел ко мне и крепко пожав руку, сказал, что я своей речью выразил чувства всех артистов художественного театра.

Одним из последних говорил А. Ф. Коня. Коня шуточно выступил, как прокурор.

Обращаясь к «подсудимым», Немирович-Данченко и Станиславскому, он обвинял их в страшном преступлении — убийстве рутинизма и беспощадном уничтожении театральной лжи и замене ее правдой, которая, как известно, болит глаза. Он призывал «присяжных» при-

говорить Станиславского и Немировича-Данченко к высшей мере наказания: «навсегда заключить их в наши любимые ссуды».

В апреле я был арестован в Петербурге и посажен сначала в «Кресты», а потом в прекарную. Горький почти одновременно был арестован в Нижнем, куда уехал после демонстрации.

Вскоре он был выпущен, а мне удалось уехать за границу.

Горький сообщил мне, что закончил пьесу «Мещане».

«Моя пьеса, по отзывам знатоков театра и слепы, удалась. Но я думаю, что ее не пропустят, хотя Немирович уверенно возражает. Когда я ее обработаю совершенно, пришлю тебе рукопись, только ты не давай никому переводить. Пишу еще пьесу. Герой — социист, героиня — жена присяжного поверенного, бывшая курсистка, дочь прачки».

Немирович и Станиславский уговаривали Горького прежде всего приняться за пьесу на быта «бывших людей». Об этой пьесе Горький много советовался со своими друзьями, несколько раз менял план; наконец, создалась «На дне».

Первое представление «На дне» прошло с небывалым, потрясающим успехом. И артистов, и автора вызвали бесконечное число раз.

Театр уже одним блестящим постановкой «На дне» завоевал себе право называться именем Горького. Но это почетное плавание могло дать ему только созвездная власть.

В. А. ПОССЕ